

Договор международной купли-продажи товаров: принцип автономии воли сторон в документах Гаагской конференции по международному частному праву

Т. В. Новикова

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия,
Российская Федерация, 350002, Краснодар, ул. Леваневского, 187/1

Для цитирования: Новикова, Татьяна В. 2020. «Договор международной купли-продажи товаров: принцип автономии воли сторон в документах Гаагской конференции по международному частному праву». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 972–992. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.409>

В статье анализируются положения двух документов Гаагской конференции по международному частному праву, касающиеся выбора применимого материального права сторонами договора международной купли-продажи товаров: действующей Гаагской конвенции 1955 г. о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, и не вступившей в силу Гаагской конвенции 1986 г. о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров. Гаагская конвенция 1955 г. устанавливает строгий стандарт автономии воли (выбор внутреннего права страны; данный стандарт основан только на условиях договора). Имея незначительное число участников и характеризуюсь неустойчивостью их правоприменительной практики, данная конвенция тем не менее является действующим правовым инструментом, который необходимо учитывать российским субъектам внешнеэкономической деятельности при взаимоотношениях с национальными лицами ее государств-участников. Гаагская конвенция 1986 г. предлагает существенно более либеральный стандарт автономии воли (последующий выбор права; этот стандарт вытекает из условий договора и поведения сторон в совокупности). Однако значительное число участников процесса разработки данной конвенции обусловило широчайший спектр позиций по вопросу об автономии воли, вплоть до диаметрально противоположных, что, в свою очередь, привело к компромиссному характеру зафиксированных положений (даже к прямому отказу разработчиков дать ответы на важные вопросы реализации автономии воли о выборе вненациональных источников, депесяже) и, вполне вероятно, к недостаточному для вступления конвенции в силу количеству ратификаций со стороны государств. Общие принципы Гаагских конвенций (1955 г. — несмотря на незначительное число участников, 1986 г. — несмотря на невступление в силу) потенциально применимы в международном коммерческом арбитраже, однако в отношении автономии воли такое применение будет ограничиваться ее принципиальным признанием, поскольку стандарт первой конвенции — строгий и несколько устаревший, а стандарт второй принят в условиях разночтений в позициях государств и уклоняется от решения существенных для его реализации вопросов.

Ключевые слова: автономия воли, выбор применимого права, соглашение о применимом праве, оговорка о применимом праве, международная купля-продажа, договор купли-продажи, коллизионное регулирование, унификация коллизионных норм.

1. Введение

Автономия воли, в первую очередь в рамках договорных правоотношений международного характера, составляет принцип, прочно установленный в современном международном частном праве. Практика международного нормотворчества — на примере коллизионного регулирования договора международной купли-продажи товаров — представляет собой отличную иллюстрацию стремительного расширения возможностей сторон по выбору применимого материального права во второй половине XX в.

Настоящее исследование нацелено на последовательный анализ принципа автономии воли сторон договора международной купли-продажи товаров в действующей Гаагской конвенции 1955 г. о праве, применимом к международной купле-продаже товаров¹, и в не вступившей в силу Гаагской конвенции 1986 г. о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров².

Выбор темы обусловлен необходимостью восполнить имеющийся пробел научного знания в части историко-правового и сравнительно-правового анализа содержания принципа автономии воли сторон договора международной купли-продажи товаров в документах Гаагской конференции по международному частному праву (в названных выше конвенциях). Научная проблема, на решение которой направлено настоящее исследование, состоит в выявлении динамики развития принципа автономии воли в конкретный исторический период и критической оценке потенциала практического применения принципа автономии воли, закрепленного — с различным содержанием — в Гаагской конвенции 1955 г. (с учетом незначительного количества ее участников и строгости установленного стандарта) и Гаагской конвенции 1986 г. (с учетом того, что она не вступила в силу и не решает ряда существенных вопросов из-за многообразия точек зрения делегатов).

Историко-правовой анализ в данной области призван показать эволюцию принципа автономии воли в рамках регулирования договора международной купли-продажи товаров, а сравнительно-правовой анализ должен установить степень либерализации стандарта автономии воли в конкретный исторический период и показать соотношение действующих в настоящее время актов унификации коллизионных норм (на примере Гаагской конвенции 1955 г. и Регламента Рим I³).

Принципиальная установка настоящего исследования — ориентация не столько на изучение нормативных источников как таковых, сколько на критическую оценку подготовительных материалов, а также практики применения международных документов. Оценка подготовительных материалов — в отношении норм международных документов, носящих компромиссный характер, — позволяет пролить свет на их действительное смысловое наполнение и определить степень признания того или иного положения международным сообществом. Оценка практики

---

¹ Convention of 15 June 1955 on the law applicable to international sales of goods. Дата обращения 20 июля, 2019. <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=31>.

² Convention of 22 December 1986 on the Law Applicable to Contracts for the International Sale of Goods. Дата обращения 20 июля, 2019. <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=61>.

³ Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I). Дата обращения 20 июля, 2019. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TEXT/PDF/?uri=CELEX:32008R0593&from=EN>.

применения международных документов в современных условиях возможна как исключительно в рамках государств-участников, так и за их пределами — через портал общих принципов в международном коммерческом арбитраже.

2. Основное исследование

2.1. Гагская конференция по международному частному праву

Значительную роль в деле универсальной унификации коллизионных норм, включая закрепление автономии воли — на первом этапе — для сторон договорных правоотношений международного характера⁴, сыграла Гагская конференция по международному частному праву. Она считается старейшим институтом международно-правового характера в Гааге — первая конференция состоялась в 1893 г. по инициативе нидерландского государственного деятеля и юриста Тобиаса Ассера (Loon 2007, 4)⁵.

В 1955 г. с вступлением в силу Устава⁶ Гагская конференция по международному частному праву приобрела статус постоянно действующей международной организации и к настоящему времени насчитывает 83 участника⁷, включая 82 государства и Европейский союз в качестве самостоятельного участника.

С момента проведения первой конференции в 1893 г. основным направлением работы Гагской конференции выступала кодификация коллизионных норм, что объясняется неготовностью на том этапе суверенных государств к унификации норм материального права (Маковский 2013, 7). Так, 12.09.1893 на Первой Гагской конференции ее председатель Т. Ассер, предваряя во вступительной речи опасения участников, подчеркнул: «Мы уважаем суверенитет и автономию государств. Мы не стремимся к объединению всего гражданского права. Ведь именно различие национальных законов заставляет чувствовать необходимость единообразного разрешения международных конфликтов» (Мандельштам 1900, 262).

---

⁴ Нормативное закрепление автономии воли как на международном, так и на национальном уровнях по традиции происходит в рамках документов, посвященных коллизионному регулированию в целом. Однако данный факт сам по себе не предопределяет решения вопроса о коллизионно-правовой или иной природе анализируемого принципа.

⁵ Примечательно, что от Российской империи в данной конференции принял участие Ф. Ф. Мартенс. В литературе также отмечается, что его участие в Гагских конференциях стало фактором, который лег в основу его рекомендации Николаю II предложить Гаагу в качестве места проведения Первой Гагской мирной конференции в 1899 г., где Т. Ассер выступал в качестве председателя, а Ф. Ф. Мартенс — в качестве секретаря (Loon 2007, 4).

⁶ Statute of the Hague Conference on Private International Law. Дата обращения 20 июля, 2019. <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=29>; Устав Гагской конференции по международному частному праву от 31.10.1951, г. Гаага (здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 20 июня, 2019. <http://www.consultant.ru>).

⁷ “HCCH Members”. HCCH. Дата обращения 20 июня, 2019. <https://www.hcch.net/en/states/hcch-members>. — Российская Федерация вступила в Гагскую конференцию по международному частному праву в 2001 г. (Постановление Правительства РФ от 13.11.2001 № 784 «О вступлении Российской Федерации в Гагскую конференцию по международному частному праву»).

2.2. Гагская конвенция 1955 г. о праве, применимом к международной купле-продаже товаров

На Шестой Гагской конференции в 1928 г. обсуждался вопрос разработки конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, и для этой цели была учреждена специальная комиссия под руководством французского юриста Жюллио де ла Морандьера. В 1931 г. комиссия подготовила проект конвенции, который с незначительными поправками был утвержден на Седьмой Гагской конференции в 1951 г. Таким образом, как отмечает О. Ландо, хотя конвенция стала первой принятой после войны, она в действительности была продуктом работы, проведенной еще в довоенное время (Lando 1993, 156).

По общему признанию ученых (Вилкова 2002, 109; Покровская 2006, 44–45)⁸, Гагская конвенция 1955 г. — первый универсальный международный договор, провозгласивший автономию воли сторон договорных правоотношений. В частности, ст. 2 конвенции предписывает: «Купля-продажа регулируется внутренним правом страны, указанной договаривающимися сторонами». При этом следующая за ней ст. 3 устанавливает коллизионную привязку для договорного правоотношения на случай, «если сторонами не определено право, подлежащее применению». Таким образом, первостепенное значение при определении права, применимого к международной купле-продаже товаров, отдается автономии воли сторон.

Более того, ст. 2 конвенции также содержит определенные правила реализации предоставленной сторонам автономии воли. Во-первых, как указано в первом предложении статьи, стороны вправе избрать исключительно внутреннее право страны (но, например, не нормы *lex mercatoria* в качестве применимых к договору⁹). В литературе подчеркивается, что данное положение не ограничивает стороны в выборе права третьей страны, объективно не связанной с договором (Малкин 2005, 111; Малкин 2008, 60). Во-вторых, ст. 2 конвенции допускает выбор права, как прямо выраженный, так и недвусмысленно вытекающий из положений договора. В этом отношении изложенный стандарт оценивается специалистами как «наиболее строгий», поскольку он «должен исключать какие-либо сомнения в отношении намерения сторон и может основываться только на условиях договора (но не на других действиях сторон или иных обстоятельствах дела)» (Асосков 2013, 52). В-третьих, на основании анализируемой статьи условия, которые относятся к согласию сторон по вопросу о применимом праве, должны определяться избранным правом¹⁰.

В отчете специальной комиссии, подготовленном по итогам работы над проектом конвенции в 1931 г., указывались предложения отдельных делегатов огра-

⁸ Некоторые авторы называют данную конвенцию в числе международных договоров, признающих автономию воли (Антонова 2002, 21; Симатова 2013, 169; Стригунова 2018, 3); по мнению А. Г. Аксенова, конвенция признает автономию воли в рамках общего принципа договорной свободы (Аксенов 2012, 3).

⁹ Вопрос о допустимости выбора в качестве применимых вненациональных источников права разработан, например, в трудах А. В. Асоскова (Асосков 2011, 341–358), Н. В. Тригубович (Тригубович 1999, 69–89).

¹⁰ В этом отношении А. В. Асосков указывает, что данный подход был впервые закреплен именно Гагской конвенцией о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, и впоследствии был воспринят и развит, например, государствами Европейского союза: сначала в п. 4 ст. 3 Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, а затем в п. 5 ст. 3 Регламента Рим I (Асосков 2013, 34–35).

ничить избираемое сторонами право: правом государств-участников; правом государств, имеющих определенную связь с договором; определенным перечнем, включая право места заключения договора, право места исполнения, право места нахождения сторон. Однако все указанные предложения были отклонены (Lando 1993, 161). Как отмечает О. Ландо, весьма вероятно, что на позицию председателя комиссии Жюллио де ла Морандьера повлияли решения Кассационного суда Франции, датированные 1930–1931 гг. и устанавливающие, что выбор права позволителен, когда на повестке дня стоят вопросы международной торговли; при этом для договора международного характера не требуется близкая связь с избранной правовой системой (Lando 1993, 160–161). Поддерживая данный подход, ученый также пишет, что сторонам договора должно быть дозволено выбрать право, которое содержит подходящие для их соглашения нормы; ограничение же выбора сторон заставит их заботиться о действительности такого выбора и станет препятствием для международной торговли (Lando 1993, 161).

Особенно примечательно, что одновременно звучали предложения, направленные на либерализацию установленного конвенцией стандарта автономии воли. Так, на Восьмой Гаагской конференции в 1956 г. ФРГ предложила две поправки к утвержденному в 1951 г. тексту, одна из которых была нацелена на признание обычая «*qui elegit iudicem elegit ius*» («кто выбирает суд, тот выбирает и право») ¹¹. Тем не менее французская делегация, поддержанная большинством других делегаций, решительно отвергла любые изменения конвенции, выдвинув аргумент технического характера: на дату проведения Восьмой Гаагской конференции конвенция была подписана, хотя не ратифицирована рядом государств, а поэтому не должна была заново выноситься на обсуждение ¹².

Таким образом, положения Гаагской конвенции 1955 г., касающиеся автономии воли сторон, неоднозначны. С одной стороны, конвенция впервые провозгласила принцип автономии воли на уровне универсального международного договора, унифицирующего коллизионные нормы. С другой стороны, она разрабатывалась в условиях, когда международное сообщество было еще крайне далеко от согласия по вопросу об автономии воли даже в рамках договорных правоотношений международного характера и включало как адептов крайне ограниченного подхода, так и сторонников еще большей либерализации. Вероятно, отсутствие консенсуса, как минимум в части автономии воли, могло стать одной из причин столь незначительного числа государств — участников данной конвенции.

По поводу значения анализируемых норм в целом А. М. Мирзоев справедливо пишет, что сформулированные в конвенции принципы, включая принцип автономии воли, оказали существенное влияние на последующие международно-правовые акты (Мирзоев 2015, 88–89). Вместе с тем с практической точки зрения наи-

---

¹¹ Как отмечает К. Надельман, в свете установленного конвенцией стандарта выбора права (прямо выраженного или недвусмысленно вытекающего из положений договора) суды не смогли бы применить обычай *qui elegit iudicem elegit ius* («кто выбирает суд, тот выбирает и право») (Nadelmann 1965, 451–452).

¹² Как следствие, в поддержку выдвинутых предложений голосовали только делегации Австрии, Турции, Швейцарии и ФРГ. Делегат Великобритании высказался в положительном ключе по предложению, касающемуся автономии воли, а председатель конференции, выступая от имени делегации Нидерландов, поддерживал обсуждение по существу обоих предложений (второе касалось возможного применения права покупателя) (Nadelmann 1965, 452).

больший интерес представляет непосредственное применение положений конвенции, в первую очередь в рамках участвующих в ней государств (даже при их незначительном количестве).

На данный момент участниками Гагской конвенции 1955 г. являются восемь государств¹³, пять из них — члены Европейского союза¹⁴. В связи с этим рассмотрим вопрос соотношения Гагской конвенции 1955 г. и Регламента Рим I, устанавливающего право, применимое к договорным обязательствам, в Европейском союзе. Согласно п. 1 ст. 25 Регламента Рим I, он не затрагивает действия международных договоров, сторонами которых выступают одно или несколько государств — членов ЕС на дату принятия Регламента и которые устанавливают коллизионные нормы по поводу договорных обязательств¹⁵.

Таким образом, суды государств — членов Европейского союза, являющихся также участниками Гагской конвенции, обязаны при определении права, применимого к международной купле-продаже товаров, обращаться к положениям Гагской конвенции (но не Регламента Рим I), в том числе по спорам исключительно между национальными лицами государств — членов ЕС¹⁶. В свете того, что только пять (из двадцати восьми) государств — членов ЕС выступают участниками Гагской конвенции, приоритет последней приводит к описанным в литературе ситуациям, когда, например, для определения применимого права по спору из международной купли-продажи товаров между французским и немецким лицами французские суды будут обращаться к Гагской конвенции, а немецкие суды — к Регламенту Рим I (Magnus 2009, 35–36)¹⁷.

Примечательно, что, несмотря на безоговорочную поддержку этого тезиса в литературе (Ferrari 2012, 81; Dannemann 2013, 2; Ancel 2008, 229; Stone 2010, 94–

---

¹³ Государства — участники конвенции: Дания, Италия, Нигер, Норвегия, Финляндия, Франция, Швейцария и Швеция (при этом Нигер является участником конвенции, не будучи при этом участником самой Гагской конференции по международному частному праву). Государства-подписанты, для которых конвенция на данный момент не вступила в силу: Люксембург и Нидерланды. Кроме того, Бельгия ратифицировала данную конвенцию 29.10.1962, но денонсировала 19.02.1999. Российская Федерация не является участником конвенции (“Convention of 15 June 1955 on the Law applicable to International Sales of Goods: Status Table”. HCCH. Дата обращения 20 июля, 2019. <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=31>).

¹⁴ Государства — участники конвенции, являющиеся одновременно членами Европейского союза: Дания, Италия, Финляндия, Франция и Швеция (“About the EU: Countries”. *European Union*. Дата обращения 20 июля, 2019. https://europa.eu/european-union/about-eu/countries_en).

¹⁵ Согласно п. 2 ст. 25 Регламента, исключения составляют международные договоры, заключенные исключительно между двумя или несколькими государствами — членами ЕС, в отношении таких договоров приоритет имеет Регламент Рим I.

¹⁶ В проекте 2005 г. Европейская комиссия предлагала исключить действие международных договоров (включая те, в которых участниками являются третьи государства) в отношении «внутриевропейских» споров, отдавая в этих случаях приоритет Регламенту Рим I. Однако данное предложение было снято, так как оно принудило бы государства — члены ЕС нарушить свои обязательства по заключенным международным договорам (Magnus 2009, 35).

¹⁷ С учетом действия Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров изложенное справедливо для тех случаев, в которых будет требоваться разрешение коллизионного вопроса, как то: при исключении сторонами применения Венской конвенции на основании ст. 6 или при решении вопросов, не разрешенных в Венской конвенции, на основании, например, п. 2 ст. 7 (Конвенция о договорах международной купли-продажи товаров от 11.04.1980, г. Вена. Дата обращения 20 июля, 2019. <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf>).

95), судебная практика государств — участников Гаагской конвенции, по меньшей мере при решении коллизийного вопроса, не была устойчивой. В частности, по аналогичным вопросам, связанным с установлением юрисдикции на основании п. 1 ст. 5 Брюссельской конвенции от 27.09.1968 по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров¹⁸ и определением для этих целей права, в соответствии с которым следует устанавливать место исполнения договора, Верховный суд Италии применял коллизийную норму Римской конвенции¹⁹ в решении от 14.12.1999 по делу *Imperial Bathroom Company v. Sanitari Possi S.p. A.*²⁰ и в решении от 01.02.1999 по делу *Mantovani & Serrazzi S.p. A. v. Eurosab S.a. r. l.*²¹, но коллизийную норму Гаагской конвенции — в решении от 19.06.2000 по делу *Metal processing plant case*²².

В юридической литературе высказываются сожаления о существовании примеров необоснованного неприменения Гаагской конвенции судами государств-участников (Ferrari 2012, 81). Однако имеется и точка зрения, в соответствии с которой для государств — членов ЕС выходом из дуализма источников коллизийного регулирования международной купли-продажи товаров должна стать денонсация Гаагской конвенции (Magnus 2009, 36).

Комментируя проблему соотношения Регламента Рим I и Гаагской конвенции в целом, отдельные авторы указывают, что в вопросах автономии воли коллизия данных документов маловероятна, так как их соответствующие положения близки по содержанию (Dannemann 2013, 2). Мы не согласимся с этим тезисом, поскольку

---

¹⁸ В настоящее время Брюссельская конвенция 1968 г. заменена Регламентом 2012 г. «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (Regulation (EU) of the European Parliament and of the Council of December 12, 2012 no. 1215/2012 “On Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters”. *Official Journal of the European Union*. 20.12.2012. L 351: 1–32), а ранее — аналогичным по предмету регулирования Регламентом 2000 г., п. 1 ст. 68 которого устанавливал, что в отношениях между государствами — членами ЕС (за некоторыми исключениями) данный регламент заменял Брюссельскую конвенцию (Council Regulation (EC) of December 22, 2000 no. 44/2001 “On Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters”. *Official Journal of the European Communities*. 16.01.2001. L 12: 1–23).

¹⁹ Convention on the Law Applicable to Contractual Obligations, opened for signature in Rome on 19 June 1980 (80/934/EEC). Дата обращения 20 июля, 2019. https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:22cc5c49-2b36-4962-aa60-e928a52efa66.0008.02/DOC_1&format=PDF. — В соответствии со ст. 21 Римской конвенции она действовала без ущерба для международных договоров, участниками которых были или могли стать в будущем договаривающиеся стороны.

²⁰ В данном деле Верховный суд Италии, применяя Брюссельскую конвенцию 1968 г. и Римскую конвенцию 1980 г., определял, имеют ли обязательства из договора наиболее тесную связь с государством продавца или покупателя, чтобы на этом основании установить, обладает ли итальянский суд юрисдикцией (Supreme Court of Italy of December 14, 1999. *Imperial Bathroom Company v. Sanitari Possi S.p. A.* Дата обращения 20 июня, 2019. <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/991214i3.html>).

²¹ В данном деле Верховный суд Италии также решал вопрос о юрисдикции на основании Брюссельской конвенции 1968 г. и Римской конвенции 1980 г., используя коллизийную норму последней, чтобы установить право, в соответствии с которым следовало определять место исполнения обязательства (Supreme Court of Italy of February 1, 1999. *Mantovani & Serrazzi S.p. A. v. Eurosab S.a. r. l.* Дата обращения 20 июня, 2019. <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/990201i3.html>).

²² В данном деле Верховный суд Италии решал такой же вопрос о юрисдикции на основании Брюссельской конвенции 1968 г., однако для определения права, в соответствии с которым следует устанавливать место исполнения договора, обратился к Гаагской конвенции 1955 г. (Supreme Court of Italy of June 19, 2000. *Metal processing plant case*. Дата обращения 20 июня, 2019. <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/000619i3.html>).

для каждого дела имеет значение не только сам факт признания автономии воли (в чем, бесспорно, оба документа схожи), но и полный перечень условий ее реализации сторонами. Вместе с тем по ряду критериев Регламент Рим I устанавливает значительно более либеральный стандарт автономии воли, включая отсутствие указания на «право страны» и дозволение вывести выбор сторон «из обстоятельств дела», а также возможности, о приемлемости которых Гаагская конвенция не содержит предписаний, включая последующий выбор права и депесяж²³.

Таким образом, несмотря на узкий круг участников и неустойчивость их судебной практики, Гаагская конвенция 1955 г. о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, и в настоящее время имеет особую сферу применения, которую важно учитывать отечественным субъектам внешней торговли, вступающим в договорные правоотношения с национальными лицами государств — участников конвенции.

2.3. Гаагская конвенция 1986 г. о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров

Важной вехой унификации коллизионного регулирования договорных правоотношений была призвана стать разработка новой Гаагской конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров. В частности, в 1980 г. Четырнадцатая Гаагская конференция приняла решение о пересмотре Гаагской конвенции 1955 г. по двум основным причинам.

Во-первых, на тот момент указанная конвенция действовала всего в девяти государствах²⁴, что объяснялось узким кругом участников процесса ее разработки²⁵ и из-за чего, «по мнению самой [Конференции], вряд ли можно было рассчитывать на дальнейшее распространение этой конвенции» (Лебедев, Мартынов 1987, 42).

Во-вторых, что более важно, ранее, в 1980 г., была принята Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров, направленная на унификацию материально-правовых норм, и, следовательно, для определения национального права, востребованного при решении вопросов за рамками ее регулирования, международному сообществу требовался актуальный свод коллизионных норм в соответствующей области²⁶. Гаагская конференция приняла еще одно очень важное решение — об участии в ее работе государств, не являющихся ее членами, если

---

²³ В частности, А. В. Асосков, говоря о депесяже и ссылаясь на подготовительные материалы к Гаагской конвенции, указывает, что ее разработчики «не предполагали допустимость подобной разновидности соглашений о выборе применимого права» (Асосков 2013, 139).

²⁴ На данный момент число государств-участников уменьшилось до восьми, так как 19.02.1999 конвенцию денонсировала Бельгия (“Convention of 15 June 1955 on the Law applicable to International Sales of Goods: Status Table”. *HCCH*. Дата обращения 20 июня, 2019. <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=31>).

²⁵ Как пишет О. Ландо, Конвенция 1955 г. обсуждалась в то время, когда Гаагская конференция была обществом для избранных, в котором доминировали континентальные страны Западной Европы (Lando 1987, 61).

²⁶ Тот факт, что новая Гаагская конвенция выступила своего рода ответом на Венскую конвенцию о договорах международной купли-продажи товаров и должна была служить дополнением последней, широко признан как в отечественной, так и в зарубежной литературе (Gabor 1986, 698; Moens, Gillies 2000, 70; Murphy 1988, 742; Winship 1988, 490; Вилкова 2001, 156; Лебедев, Мартынов 1987, 42).

в силу рассматриваемого предмета такое участие представляется необходимым²⁷. Как следствие, все члены ЮНСИТРАЛ (Комиссии ООН по праву международной торговли; United Nations Commission on International Trade Law, UNCITRAL), отвечавшей за разработку Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров²⁸, были приглашены поучаствовать в пересмотре Гагской конвенции 1955 г.²⁹

По итогам работы специальной комиссии в 1985 г. состоялась чрезвычайная сессия, в которой приняли участие более 60 делегаций, представлявших как развитые, так и развивающиеся страны различных регионов мира³⁰. Специалисты полагали, что широкий спектр участников принятия новой Гагской конвенции увеличивал ее шансы на универсальное признание (Lando 1987, 61)³¹. Однако на практике различия в подходах государств-участников к обсуждаемым вопросам и международному частному праву в целом обусловили особую сложность разработки новой конвенции. По мнению О. Ландо, в попытке найти компромиссные решения делегаты жертвовали простотой и ясностью (Lando 1993, 159). С. Н. Лебедев и А. С. Мартынов подчеркивают: «В ряде случаев предложения принимались большинством всего в несколько голосов. <...> Все это... и явилось причиной того, что в день... открытия новой конвенции для подписания она не была подписана ни одним из представленных на сессии государств» (Лебедев, Мартынов 1987, 43)³².

К настоящему моменту Гагская конвенция 1986 г. о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, не вступила в силу, так как не была принята достаточным количеством государств³³. Вместе с тем в литературе широко признано, что разработка ее положений способствовала сближению по-

---

²⁷ В связи с этим С. Н. Лебедев цитирует доклад М. Пелише, который характеризует данное решение как «поворотный пункт в истории» конференции, оказавшейся перед выбором: «либо продолжать действовать в замкнутых рамках, с риском того, что результаты ее усилий полностью бы игнорировались, либо же принять изменение ориентации и открыть свои двери для государств-членов при разработке определенных проблем, считающихся универсальными» (Лебедев 2009, 577).

²⁸ “United Nations Conference on Contracts for the International Sale of Goods”. United Nations General Assembly Resolution of December 16, 1978 no. 33/93 (86th plenary meeting). Дата обращения 20 июня, 2019. https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_RES_33_93-E.pdf.

²⁹ Согласно п. 2 Пояснительного отчета к конвенции 11 государств, не являющихся членами конференции, приняли участие в первом заседании специальной комиссии в 1982 г. и 13 — во втором заседании в 1983 г. (Mehren 1987, 15).

³⁰ Согласно п. 2 Пояснительного отчета к конвенции, 54 государства были представлены делегатами, шесть государств участвовали в качестве наблюдателей, пять представителей направили межгосударственные организации; кроме того, была представлена Международная торговая палата (Mehren 1987, 15).

³¹ Примечательно, что уже через шесть лет тот же автор писал: «Имелась надежда, что широкий спектр участников принятия Конвенции 1965 г. увеличит ее шансы на универсальное признание. Сомнительно, что это случится» (Lando 1993, 157).

³² Более того, конвенция была впервые подписана Чехословакией 22.12.1986, в связи с чем, как подчеркивается в литературе, ей присвоена именно эта дата, а не дата ее принятия на чрезвычайной сессии в 1985 г. (“Convention of 22 December 1986 on the Law applicable to Contracts for the International Sale of Goods: Status Table”. *HCCH*. Дата обращения 20 июня, 2019. <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=61; Winship 1988, 490>).

³³ Согласно ст. 27 конвенции, она вступает в силу при условии принятия пятью государствами. К настоящему моменту Аргентина ратифицировала конвенцию, а Молдавия присоединилась к конвенции. Нидерланды только подписали ее, а Чехия и Словакия признали себя связанными подписанием конвенции Чехословакией до даты ее разделения в 1993 г.

зий государств по вопросам коллизионного регулирования договоров международной купли-продажи товаров (в том числе автономии воли сторон), что повлияло на дальнейшую работу по унификации коллизионных норм и отразилось на процессе реформирования национальных законодательств ряда стран (Мирзоев 2015, 91; Шестакова 2013, 93). В частности, А. Боджиано пишет, что участие государств Латинской Америки в разработке Гаагской конвенции 1986 г. стало весьма значимым шагом на пути к признанию принципа автономии воли в этих государствах (Boggiano 1992, 135–136).

Более того, с точки зрения эволюции принципа автономии воли позиции отдельных делегатов, высказанные в ходе разработки соответствующих положений Гаагской конвенции 1986 г., являются ценным ресурсом для формирования представления о степени признания этого правового принципа международным сообществом в конкретный исторический период. Так, п. 1 ст. 7 конвенции устанавливает: «Договор купли-продажи регулируется правом, выбираемым сторонами»³⁴. Существенное отличие данного положения от нормы ст. 2 Гаагской конвенции 1955 г. — отсутствие указания на *внутреннее* право страны. Однако отсутствие этого указания в тексте новой конвенции вовсе не означает автоматического санкционирования выбора вненациональных источников.

Этот вопрос вызвал весьма острую дискуссию по поводу привязки к ст. 15 Гаагской конвенции, которая гласит: «Термин “право” в Конвенции означает действующее в государстве право за исключением коллизионных норм». Хотя указанное положение было направлено на решение проблемы обратной отсылки, традиционно исключаемой в документах Гаагской конференции, делегация Швеции высказала опасения относительно того, что оно может быть истолковано как препятствующее выбору общих принципов права или *lex mercatoria* на том основании, что они не являются «действующими в государстве» и, следовательно, не охватываются термином «право», используемым в ст. 7 конвенции³⁵.

Делегаты Австрии и США согласились, что стороны должны быть свободны выбрать право, не выступающее действующим в государстве, и на этом основании поддержали предложение делегации Швеции (п. 152 Пояснительного отчета). Однако такая позиция встретила и яростное сопротивление. Например, делегат ФРГ отметил, что он не хотел бы, чтобы суды его страны «были обязаны признавать, например, право Древнего Рима или любое другое право, которое стороны могли бы выбрать» (п. 152 Пояснительного отчета), а другой делегат, как указывает О. Ландо, назвал *lex mercatoria* «правом Микки-Мауса» (Lando 1987, 66). Предложение делегации Швеции было отклонено, но при очень близких результатах: 17 против, 14 за, 10 воздержались. Докладчик так сформулировал выводы, которые следовало бы из этого сделать: «Представляется, что имеется согласие по поводу того, что [ст. 15] касается исключительно обратной отсылки. Вопрос о нормах права, которые не являются частью национального права, относится к тем, на которые Конвенция не дает ответа» (п. 153 Пояснительного отчета).

³⁴ Важно, что, как указано в п. 46 Пояснительного отчета к конвенции, ни одна делегация не возражала против общего утверждения о том, что стороны в принципе свободны выбрать право, регулирующее их договор (Mehren 1987, 25).

³⁵ На основании изложенного делегация Швеции предложила следующую формулировку ст. 15 конвенции: «В данной Конвенции термин “право” не охватывает правил международного частного права» (п. 149 Пояснительного отчета) (Mehren 1987, 47).

Изложенное позволяет сделать два вывода: 1) уже в 1986 г. международное сообщество было близко к тому, чтобы вполне определенно санкционировать выбор сторонами договора купли-продажи вненациональных источников; 2) лаконичное указание Гагской конвенции 1986 г. на *право, выбираемое сторонами*, не означает ни санкционирования, ни запрета выбора вненациональных источников, оставляя этот вопрос принципиально открытым.

Не менее острую дискуссию вызвал вопрос о так называемых подразумеваемых соглашениях. В частности, ст. 2 Гагской конвенции 1955 г. устанавливает строгие требования, согласно которым выбор права должен быть прямо выражен в договоре или же недвусмысленно вытекать из *его положений*. В свою очередь, ст. 7 Гагской конвенции 1986 г. предусматривает более либеральный стандарт: выбор сторон должен быть явно выражен в договоре или прямо вытекать из *его условий и поведения сторон*, рассматриваемых в их совокупности.

Тем не менее в Пояснительном отчете к конвенции отмечается, что в ходе дискуссии по данному вопросу обозначился широчайший спектр позиций, как то: одни делегации настаивали на признании только явно выраженного выбора, другие допускали подразумеваемые соглашения, но настаивали на определенности их показателей (например, только на основании положений договора или на основании взаимоотношений сторон в совокупности с терминологией договора (п. 46 Пояснительного отчета)). В советской литературе обращается внимание на предложение делегации СССР предусмотреть исчерпывающий перечень «обстоятельств, которые сами по себе не должны рассматриваться как выражение согласия сторон о выборе применимого права, например место заключения договора, язык, на котором он составлен... оговорка о рассмотрении споров в суде или арбитраже определенной страны» (Лебедев, Мартынов 1987, 44). Несмотря на то что данное предложение было отклонено, в Пояснительном отчете к конвенции констатируется широкое — хотя и не единогласное — признание того, что один элемент, взятый в отдельности, не образует соглашения сторон для целей ст. 7³⁶.

Таким образом, Гагская конвенция 1986 г., допуская выбор права, вытекающий из совокупности условий договора и поведения сторон, свидетельствует о либерализации требований международного сообщества к доказыванию соглашения сторон. Однако, как обоснованно подчеркивают С. Н. Лебедев и А. С. Мартынов, проявляя в данном вопросе больше гибкости, новая конвенция безусловно остается «в рамках реальной, а не “гипотетической” воли сторон»³⁷.

Еще одно существенное отличие Гагской конвенции 1986 г. от ее предшественницы — фактическая легализация депесажа³⁸. В частности, ст. 7 конвенции устанавливает, что выбор сторон «может ограничиваться частью договора». Хотя

³⁶ В связи с этим п. 49 Пояснительного отчета также отмечает: ст. 7 конвенции требует, чтобы элементы, относящиеся к выбору сторон, оценивались в контексте, не изолированно; они должны «рассматриваться в их совокупности» (Mehren 1987, 27).

³⁷ Авторы критикуют так называемую гипотетическую волю сторон как категорию, «которая широко используется в судебной практике некоторых стран, особенно воспринявших систему англосаксонского общего права, и объективно наделяет суд неограниченной дискреционной властью при определении компетентного правопорядка» (Лебедев, Мартынов 1987, 43–44).

³⁸ Как отметил в отношении Гагской конвенции 1955 г. А. В. Асосков, ссылаясь на подготовительные материалы, «ее разработчики не предполагали допустимость подобной разновидности соглашений о выборе применимого права» (Асосков 2013, 139).

отдельные делегации возражали против данной возможности, обосновывая свою позицию связанными с ней сложностями и нарушением целостности применяемых норм и принципов, эти возражения были отклонены существенным большинством (п. 50 Пояснительного отчета).

Вместе с тем значительное внимание уделялось юридической технике ст. 7 конвенции, которая допускает выбор права для одной части договора (оставляя другую часть на регулирование праву, избираемому посредством коллизионной нормы), но не санкционирует прямо выбор самими сторонами различного применимого права для частей договора. В связи с изложенным и в целях достижения ясности делегация США предложила прямо санкционировать депесаж, однако это предложение было отклонено, но не потому, что делегации выступали категорически против депесажа, а потому, что им больше импонировал подход специальной комиссии: преследуя цель допустить депесаж, установить в то же время опровержимую презумпцию против него (п. 51–53 Пояснительного отчета). Как следствие, общепризнанным стало видение, согласно которому имелся консенсус относительно того, что текст конвенции прямо не запрещает депесажа, а следовательно, стороны могут выбрать разное право для регулирования договора, однако специальная комиссия не пожелала установить это в конвенции прямо (п. 54 Пояснительного отчета).

Гаагскую конвенцию 1986 г. можно назвать прогрессивной еще и потому, что в ней содержится развернутая регламентация последующего выбора права³⁹, включающая защиту интересов третьих лиц (мотивированную вескими практическими примерами⁴⁰) и охрану формальной действительности договора⁴¹. При этом в отношении вопросов, касающихся наличия и материальной действительности выбора применимого права, новая конвенция в целом сохраняет подход, выработанный ее предшественницей, по общему правилу относя их к сфере действия выбранного права⁴².

Подведем предварительные итоги. Гаагская конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, безусловно свидетельствует о развитии принципа автономии воли в международном частном праве значительного числа государств (по меньшей мере, участвовавших в ее разработке). Вместе

---

³⁹ Первое предложение п. 2 ст. 7 конвенции устанавливает: «Стороны могут в любое время договориться о подчинении договора в целом или его части какому-либо иному праву, помимо права, которым он регулировался ранее, независимо от того, что право, ранее регулировавшее договор, было выбрано сторонами».

⁴⁰ В качестве обоснования необходимости защиты интересов третьих лиц при последующем выборе права в п. 55 Пояснительного отчета приводится следующий пример: лицо выступает в качестве поручителя в отношении покупателя; согласно праву, применимому на момент заключения договора купли-продажи, поручительство имеет определенную защиту; на это не должны влиять последующие изменения в применимом праве (Mehren 1987, 27).

⁴¹ Второе предложение п. 2 ст. 7 конвенции устанавливает: «Любое изменение сторонами применимого права после заключения договора не наносит ущерба формальной действительности договора или правам третьих лиц».

⁴² Регламентация указанных вопросов вынесена в п. 1, 3 ст. 10 конвенции. При этом, согласно п. 2 ст. 10 конвенции, наличие и материальная действительность договора или его условий определяются правом, которое регулировало бы договор или его условия, если бы они были действительными (даже в том случае, когда такое право было изменено последующим выбором сторон). В отношении последнего аспекта имелось общее согласие в связи с тем, что, как образно отмечается в Пояснительном отчете к конвенции, «разумно требовать от сторон лечь в постель, которую они только что приготовили» (п. 57 Пояснительного отчета) (Mehren 1987, 29).

с тем подготовительные материалы к конвенции выявляют широкий спектр точек зрения на выбор права сторонами, вплоть до диаметрально противоположных. Как следствие, вынужденно компромиссный характер зафиксированных в конвенции решений и, что примечательно, прямой отказ разработчиков дать ответ на существенные вопросы реализации автономии воли (включая выбор вненациональных источников и депесаж), вероятно, стали факторами, из-за которых конвенция, требовавшая лишь пять государств-участников, до сих пор не вступила в силу.

2.4. Гаагские принципы 2015 г., касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах⁴³

Видимо, именно то, что Гаагская конвенция 1955 г. имеет незначительное число участников, а Гаагская конвенция 1986 г. не вступила в силу, привело к разработке на уровне Гаагской конференции по международному частному праву первого в ее истории юридически необязательного документа — Принципов, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах⁴⁴. Гаагские принципы были утверждены в 2015 г. и получили широчайшее признание в международном сообществе — в том же 2015 г. их одобрила ЮНСИТРАЛ⁴⁵, и они стали основой для разработки Парагваем закона о праве, применимом к международным контрактам⁴⁶.

Гаагские принципы составляют предмет самостоятельного исследования. Здесь же обратим внимание на то, что динамика развития принципа автономии воли, заложенная в первую очередь в рамках договора международной купли-продажи товаров в Гаагской конвенции 1955 г. и получившая развитие в Гаагской конвенции 1986 г., обрела феноменальное продолжение в Гаагских принципах 2015 г.,

⁴³ Название на русском языке «Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах» содержится в документе Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу одобрения принципов Комиссией ООН по праву международной торговли («Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах. 15.04.2015 A/CN.9/847». *Генеральная Ассамблея ООН*. Дата обращения 1 сентября, 2019. <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf>; Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts, approved on 19.03.2015. Дата обращения 1 сентября, 2019. <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf>). В отечественной специальной литературе имеются и другие редакции названия анализируемого документа (Зыкин 2016).

⁴⁴ В п. 1.9 комментария Гаагской конференции к принципам отмечается: «Несмотря на то что Гаагская конференция не исключает возможность разработки обязательного инструмента в будущем, она считает, что рекомендательный набор необязательных принципов более подходит в настоящее время для продвижения признания принципа автономии в выборе права, применимого к международным контрактам, и формирования тщательно разработанных правовых режимов, использующих этот принцип в сбалансированной и рабочей манере» (Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts. Hague: The Permanent Bureau of the Conference, 2015. Дата обращения 1 сентября, 2019. <https://assets.hcch.net/docs/5da3ed47-f54d-4c43-aaef-5eafc7c1f2a1.pdf>). На это обращает внимание и К.Бернаскони, генеральный секретарь Гаагской конференции по международному частному праву, в предисловии к изданию принципов.

⁴⁵ ЮНСИТРАЛ в п. 240 отчета рекомендовала судам и арбитражам использовать Гаагские принципы как модельный акт для национальных, региональных, наднациональных и международных инструментов, для целей толкования, дополнения и развития норм международного частного права (Report of the United Nations Commission on International Trade Law (Forty-eight session: 29 June — 16 July 2015). Vienna: United Nations, 2015. Дата обращения 1 сентября, 2019. https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/17).

⁴⁶ Paraguayan Law 5393 of 2015 “Regarding the Applicable Law to International Contracts”. Дата обращения 1 сентября, 2019. https://assets.hcch.net/upload/contractslaw_py.pdf.

охватывающих международные коммерческие договоры в целом. Отсутствие необходимости согласования позиций делегатов в отношении будущего юридически обязательного инструмента выступило одним из факторов, позволивших разработчикам сформулировать чрезвычайно прогрессивные и либеральные положения в анализируемой области.

В отличие от Гагской конвенции 1955 г., принципы далеко отходят от устаревшего строгого стандарта автономии воли, а в отличие от Гагской конвенции 1986 г., регулируют множество вопросов ее реализации в международных коммерческих договорах, санкционируя: депесаж (п. 2 ст. 2), последующий выбор (п. 3 ст. 2), выбор несвязанного права (п. 4 ст. 2), выбор вненациональных источников (если *lex fori* это не запрещает; ст. 3), прямо выраженный и подразумеваемый выбор (ст. 4) и др.

Изложенное позволяет заключить, что, с одной стороны, Гагские принципы бесспорно иллюстрируют широко признанную специалистами тенденцию в области правового регулирования международных договорных отношений, состоящую в укреплении и расширении сферы действия принципа автономии воли сторон (Симатова 2015, 235–236), но с другой — их рекомендательный характер свидетельствует о том, что в современный период (как и в период разработки Гагских конвенций 1955 и 1986 гг.) международное сообщество еще не готово к юридически обязательному закреплению прогрессивного и либерального стандарта в анализируемой области.

2.5. Потенциал применения принципа автономии воли сторон договора международной купли-продажи товаров международным коммерческим арбитражем

Несмотря на то что Гагская конвенция 1955 г. имеет незначительное число участников, а Гагская конвенция 1986 г. вообще не вступила в силу, закрепленные в них общие принципы (в частности, автономия воли сторон договора международной купли-продажи товаров) потенциально применимы на практике в международном коммерческом арбитраже с учетом его денационализированного характера и тенденции к использованию общих принципов коллизионного регулирования, которые содержатся в актах международного характера, в том числе не вступивших в силу (Асосков 2013, 278)⁴⁷.

В частности, в литературе указывается на применение общих принципов Гагской конвенции 1955 г. арбитражами Международной торговой палаты (Silberman, Ferrari 2010, II.2.b.7). Однако нельзя не отметить, что подобные решения относятся преимущественно к периоду до 1990 г.⁴⁸ В современных условиях стандарт, установленный Гагской конвенцией 1955 г. для соглашений о применимом праве, чрезмерно строг (внутреннее право страны; выбор, основанный только на усло-

---

⁴⁷ А. В. Асосков цитирует Ю. Базедова, по мнению которого международные договоры целесообразно использовать для отыскания общих принципов в силу того, что они содержат «сравнительно-правовое *ratio scripta*» (Асосков 2013, 279), что в полной мере подтверждается описанным нами в части автономии воли процессом разработки Гагских конвенций 1955 и 1986 гг.

⁴⁸ См., напр.: “ICC Arbitral Award Case no. 5885 of 1989”. *Yearbook Commercial Arbitration* (1991) XVI: 91–92; “ICC Arbitral Award Case no. 5713 of 1989”. *Yearbook Commercial Arbitration* (1990) XV: 70–71; “ICC Arbitral Award Case no. 3779 of 1981”. *Yearbook Commercial Arbitration* (1984) IX: 124–126; “ICC Arbitral Award Case no. 2930 of 1982”. *Yearbook Commercial Arbitration* (1984) IX: 105–106.

виях договора), в связи с чем ссылка на данный документ в решении международного коммерческого арбитража, по нашему мнению, возможна исключительно для констатации существования принципа автономии воли как такового. В свою очередь, Гагская конвенция 1986 г., хотя и является существенно более прогрессивной по сравнению со своей предшественницей, устраняется от решения многих важных для сторон договора вопросов (выбор внеациональных источников, депесаж).

В таких условиях значительно более перспективно применение Гагских принципов 2015 г., которые отражают весьма прогрессивный и либеральный стандарт в сфере автономии воли и могут применяться международным коммерческим арбитражем, несмотря на свой рекомендательный характер. Полагаем, что применение указанных принципов уместно в рамках локализованного на территории РФ Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ (далее — МКАС при ТПП РФ). В настоящее время в практике этого арбитража сложилась тенденция обосновывать допустимость выбора сторонами применимого права ссылкой на ст. 1210 Гражданского кодекса РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ⁴⁹ (далее — ГК РФ). Однако в силу ст. 1186 ГК РФ «особенности определения права, подлежащего применению международным коммерческим арбитражем, устанавливаются законом о международном коммерческом арбитраже». В свою очередь, ст. 28 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» гласит, что «третейский суд разрешает спор в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора». По нашему мнению, указанное самостоятельное положение закона позволяет МКАС при ТПП РФ осуществлять автономное (не связанное коллизионными нормами разд. VI ГК РФ) обоснование принципа автономии воли сторон договора международной купли-продажи товаров, в том числе — с учетом сделанных оговорок — ссылками на положения Гагских конвенций 1955 и 1986 гг. и Гагских принципов 2015 г.

3. Выводы

Гагская конвенция 1955 г. о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, является действующим правовым инструментом, положения которого важно учитывать отечественным субъектам внешнеторговой деятельности при взаимодействии с частными лицами ее государств-участников. Однако незначительное число участников данной конвенции и неустойчивость их правоприменительной практики позволяют сделать вывод более общего характера: в таких

---

⁴⁹ Например, МКАС при ТПП РФ делает прямую ссылку на ст. 1210 ГК РФ в обоснование допустимости выбора права Российской Федерации (Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, применимой в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, и нормативно-правовых актов РФ, применимых в качестве субсидиарного статута) в следующих решениях: Решения коллегии арбитров от 13.09.2017 по делу № М-27/2017; от 12.12.2012 по делу № 53/2012; от 01.06.2012 по делу № 165/2011; от 30.12.2009 по делу № 74/2009; Постановление от 12.03.2008 по делу № 64/2007.

Таким же образом МКАС при ТПП РФ обосновывает допустимость выбора права РФ (сопряженного с исключением, прямо или в результате поведения сторон, применения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров) в следующих решениях: Решения от 25.04.2017 по делу № 137/2016; от 07.03.2014 по делу № 107/2013.

условиях цели унификации, состоящие в создании единообразного поля коллизионного регулирования на значительной территории, нельзя считать достигнутыми. Напротив, как показано на примере соотношения Гаагской конвенции 1955 г. и Регламента Рим I, сложный механизм параллельного действия источников коллизионного права порождает фрагментарность коллизионного регулирования и может дезориентировать правоприменителя.

Сравнительно-правовой анализ положений об автономии воли, которые закреплены в действующей Гаагской конвенции 1955 г. и до сих пор не вступившей в силу Гаагской конвенции 1986 г., позволяет сделать вывод о существенном расширении — в конкретный исторический период — возможностей сторон договора международной купли-продажи товаров по выбору применимого права. Вместе с тем, как показывают подготовительные материалы к данным конвенциям, прогрессивные положения международных документов были зафиксированы на фоне широчайшего спектра позиций государств, имеющих зачастую полярный характер, что, по-видимому, стало причиной незначительного распространения первой конвенции и невступления в силу второй.

Несмотря на возможность применения в международном коммерческом арбитраже общих принципов коллизионного регулирования, в том числе закрепленных в международных документах, не действующих для связанных с правоотношением государств или вообще не вступивших в силу, Гаагские конвенции 1955 и 1986 гг. допустимо использовать исключительно для констатации принципа автономии воли как такового, поскольку Гаагская конвенция 1955 г. устанавливает несколько устаревший строгий стандарт для соглашений о применимом праве (внутреннее право страны; выбор, основанный только на условиях договора), а Гаагская конвенция 1986 г., как свидетельствуют подготовительные материалы, намеренно устраняется от решения целого ряда принципиальных вопросов (выбор вненациональных источников, депесаж).

Библиография

- Аксенов, Алексей Г. 2012. *Договор международной купли-продажи товаров между субъектами предпринимательской деятельности стран СНГ*. М.: Инфотропик Медиа.
- Антонова, Елена И. 2002. «Договорные обязательства с участием иностранных субъектов». Дис. ... канд. юрид. наук, Кубанский государственный аграрный университет.
- Асосков, Антон В. 2011. «Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств». Дис. ... д-ра юрид. наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Асосков, Антон В. 2013. *Коллизионное регулирование договорных обязательств*. М.: Инфотропик Медиа.
- Вилкова, Нина Г. 2001. «Международные коммерческие контракты: теория и практика унификации правового регулирования». Дис. ... д-ра юрид. наук, Всероссийская академия внешней торговли.
- Вилкова, Нина Г. 2002. *Договорное право в международном обороте*. М.: Статут.
- Зыкин, Иван С. 2016. «Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам». *Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота*, под ред. Александра С. Комарова, 73–93. М.: Статут.
- Лебедев, Сергей Н., Анатолий С. Мартынов. 1987. «Новая Гаагская конвенция о праве, применимом к договору международной купли-продажи товаров». *Внешняя торговля* 1: 42–46.

- Лебедев, Сергей Н. 2009. «К пересмотру Гагской конвенции 1955 г.». Лебедев, Сергей Н. *Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву*, сост. Александр И. Муранов, 577–587. М.: Статут.
- Маковский, Александр Л. 2013. «Начало и развитие универсальной международной унификации частного права». *Проблемы унификации международного частного права*, под ред. Александра Л. Маковского, Ирины О. Хлестовой, 3–13. М.: Издательство Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.
- Малкин, Олег Ю. 2005. «Автономия воли во внешнеэкономических сделках». Дис. ... канд. юрид. наук, Современная гуманитарная академия.
- Малкин, Олег Ю. 2008. *Правовое регулирование выбора права сторонами договора*. М.: Издательство Современной гуманитарной академии.
- Мандельштам, Андрей Н. 1900. *Гагские конференции о кодификации международного частного права. Т. 1: Кодификация международного частного права*. СПб.: Типография А. Бенке.
- Мирзоев, Амонullo М. 2015. «Применимое право в договорных отношениях в международном частном праве». Дис. ... канд. юрид. наук, Таджикский национальный университет.
- Покровская, Анна Б. 2006. «Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, освоенным иностранным элементом». Дис. ... канд. юрид. наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.
- Симатова, Елена Л. 2013. «Автономия воли в российском международном частном праве: история, современность, перспективы». *Наука сегодня: теория, практика, инновации*, под ред. Оксаны П. Чигишевой, 161–182. Ростов-на-Дону: Научное сотрудничество.
- Симатова, Елена Л. 2015. «Проект Гагских принципов выбора права в международных коммерческих договорах как отражение тенденции расширения сферы действия принципа автономии воли сторон в международном частном праве». *Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе*, под ред. Александра В. Герасимова, 234–238. Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Стригунова, Дина П. 2018. *Правовое регулирование международных коммерческих договоров. Т. 2*. М.: Юстициформ.
- Тригубович, Наталия В. 1999. «Автономия воли в международном частном праве». Дис. ... канд. юрид. наук, Саратовская государственная академия права.
- Шестакова, Марина П. 2013. «Унификация правового регулирования международной купли-продажи товаров». *Проблемы унификации международного частного права*, под ред. Александра Л. Маковского, Ирины О. Хлестовой, 91–109. М.: Издательство Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.
- Ancel, Marie-Elodie. 2008. “The Rome I Regulation and Distribution Contracts”. *Yearbook of Private International Law X*: 221–232.
- Boggiano, Antonio. 1992. “The Contribution of the Hague Conference to the Development of Private International Law in Latin America”. *Collected Courses of the Hague Academy of International Law* 233: 99–266.
- Dannemann, Gerhard. 2013. “Choice of CESL and Conflict of Laws”. *The Common European Sales Law in Context: Interactions with English and German Law*, eds Gerhard Dannemann, Stefan Vogenauer, 2. Oxford: Oxford University Press.
- Ferrari, Franco. 2012. *Contracts for the International Sale of Goods: Applicability and Applications of the 1980 United Nations Sales Convention*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publ.
- Gabor, Francis A. 1986. “Emerging Unification of Conflict of Laws Rules Applicable to the International Sale of Goods: UNCITRAL and the New Hague Conference on Private International Law”. *Northwestern Journal of International Law & Business* 7 (4): 696–726.
- Lando, Ole. 1987. “The 1985 Hague Convention on the Law Applicable to Sales”. *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht / The Rabel Journal of Comparative and International Private Law* 51 (1/2): 60–85.
- Lando, Ole. 1993. “The 1955 and 1985 Hague Conventions on the Law Applicable to the International Sale of Goods”. *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht / The Rabel Journal of Comparative and International Private Law* 57 (1/2): 155–174.

- Loon, Hans van. 2007. "The Hague Conference on Private International Law". *Hague Justice Journal* 2 (2): 3–12.
- Magnus, Ulrich. 2009. "Article 4 Rome I Regulation: The Applicable Law in the Absence of Choice". *Rome I Regulation: The Law Applicable to Contractual Obligations in Europe*, eds Franco Ferrari, Stefan Leible, 27–50. Munich: Sellier European Law Publ.
- Mehren, Arthur Taylor von. 1987. *Convention on the Law applicable to Contracts for the International Sale of Goods (Explanatory Report)*. Hague: The Permanent Bureau of the Conference.
- Moens, Gabriël, Peter Gillies. 2000. *International Trade and Business: Law, Policy and Ethics*. Sydney; London: Cavendish Publ.
- Murphy, Maureen T. 1988. "United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods: Creating Uniformity in International Sales Law". *Fordham International Law Journal* 12 (4): 727–750.
- Nadelmann, Kurt H. 1965. "The Uniform Law on the International Sale of Goods: A Conflict of Laws Imbroglia". *Yale Law Journal* 74 (3): 449–464.
- Silberman, Linda, Franco Ferrari. 2010. "Getting to the Law applicable to the Merits in International Arbitration and the Consequences of Getting it Wrong". *Working Paper* 10–40, New York University School of Law (Law & Economics Research Paper Series). Дата обращения 1 сентября, 2019. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1674605.
- Stone, Peter. 2010. *EU Private International Law*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar — Elgar European Law.
- Winship, Peter. 1988. "Private International Law and the U. N. Sales Convention". *Cornell International Law Journal* 21 (3): 487–533.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2019 г.;
рекомендована в печать 2 сентября 2020 г.

Контактная информация:

Новикова Татьяна Васильевна — канд. юрид. наук, доц.; tnovikova@inbox.ru

Contract for the international sale of goods: Principle of autonomy of the will of parties within documents of the Hague Conference on Private International Law

T. V. Novikova

North Caucasian branch of the Russian State University of Justice,
187/1, ul. Levanevskogo, Krasnodar, 350002, Russian Federation

For citation: Novikova, Tatiana V. 2020. "Contract for the international sale of goods: Principle of autonomy of the will of parties within documents of the Hague Conference on Private International Law". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 972–992. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.409> (In Russian)

The article is devoted to the analysis of legal regulation dealing with choice-of-law agreements by parties to international sale of goods contracts, namely in two documents of the Hague Conference on Private International Law: the Convention of 1955 on the Law Applicable to International Sales of Goods (in force) and the Convention of 1986 on the Law Applicable to Contracts for the International Sale of Goods (not yet in force). The Convention of 1955 sets a strict standard of autonomy of will (choice of a country's domestic law; based only on the terms of the contract). Having a small number of participants and characterized by inconsistent law enforcement practice, this convention, nevertheless, is a valid legal instrument which Russian actors in the field of external trade should take into account when cooperating with nationals of member states. The Convention of 1986 establishes a substantively more liberal

autonomy of will standard (change of the applicable law; demonstrated by the terms of the contract and the conduct of the parties in their entirety). However, many participants in the drafting procedure led to a wide range of views in regard to parties' autonomy (including diametrically opposite ones). This resulted in a compromise nature of the solutions (and even the drafters' direct refusal to address parties' choice sensitive issues: choice of *lex mercatoria*, *dépeçage*) and, likely, an insufficient adoption for the Convention to enter into force. The Conventions' basic principles (1955 — irrespective of having a few number of participants; 1986 — irrespective of not entering into force) have the potential for practical application in international commercial arbitration. In the case of parties' autonomy, such an application would be limited to its recognition as far as the standard of the first is strict and somewhat outdated, whereas the standard of the second has been accepted in the framework of discord between states and avoids addressing sensitive issues in its implementation.

Keywords: autonomy of will, applicable law choice, choice-of-law agreement, choice-of-law clause, international purchase and sale, purchase and sale contract, conflict of laws, conflict rules unification.

References

- Aksenov, Aleksei G. 2012. *International Sale of Goods Contract between Subjects of Entrepreneurial Activities in CIS Countries*. Moscow, Infotropik Media Publ. (In Russian)
- Ancel, Marie-Elodie. 2008. "The Rome I Regulation and Distribution Contracts". *Yearbook of Private International Law* X: 221–232.
- Antonova, Elena I. 2002. "Contract Obligations including Foreign Parties". PhD Diss., Kubanskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet. (In Russian)
- Asoskov, Anton V. 2011. "Norm-Forming Factors Influencing the Contents of Conflict of Laws in the field of Contractual Obligations". Dr. Sci. Diss., Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova. (In Russian)
- Asoskov, Anton V. 2013. *Conflict of Laws in the field of Contractual Obligations*. Moscow, Infotropik Media Publ. (In Russian)
- Boggiano, Antonio. 1992. "The Contribution of the Hague Conference to the Development of Private International Law in Latin America". *Collected Courses of the Hague Academy of International Law* 233: 99–266.
- Dannemann, Gerhard. 2013. "Choice of CESL and Conflict of Laws". *The Common European Sales Law in Context: Interactions with English and German Law*, eds Gerhard Dannemann, Stefan Vogenauer, 2. Oxford, Oxford University Press.
- Ferrari, Franco. 2012. *Contracts for the International Sale of Goods: Applicability and Applications of the 1980 United Nations Sales Convention*. Leiden, Boston, Martinus Nijhoff Publ.
- Gabor, Francis A. 1986. "Emerging Unification of Conflict of Laws Rules Applicable to the International Sale of Goods: UNCITRAL and the New Hague Conference on Private International Law". *Northwestern Journal of International Law & Business* 7 (4): 696–726.
- Lando, Ole. 1987. "The 1985 Hague Convention on the Law Applicable to Sales". *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht / The Rabel Journal of Comparative and International Private Law* 51 (1/2): 60–85.
- Lando, Ole. 1993. "The 1955 and 1985 Hague Conventions on the Law Applicable to the International Sale of Goods". *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht / The Rabel Journal of Comparative and International Private Law* 57 (1/2): 155–174.
- Lebedev, Sergei N., Anatolii S. Martynov. 1987. "The New Hague Convention on the Law Applicable to Contracts for the International Sale of Goods". *Vneshniaia torgovlia* 1: 42–46. (In Russian)
- Lebedev, Sergei N. 2009. "To the Revision of the Hague Convention of 1955". *Lebedev, Sergei N. Izbrannye trudy po mezhdunarodnomu kommercheskomu arbitrazhu, pravu mezhdunarodnoi torgovli, mezhdunarodnomu chastnomu pravu, chastnomu morskomu pravu*, comp. by Aleksandr I. Muranov, 577–587. Moscow, Statut Publ. (In Russian)

- Loon, Hans van. 2007. "The Hague Conference on Private International Law". *Hague Justice Journal* 2 (2): 3–12.
- Magnus, Ulrich. 2009. "Article 4 Rome I Regulation: The Applicable Law in the Absence of Choice". *Rome I Regulation: The Law Applicable to Contractual Obligations in Europe*, eds Franco Ferrari, Stefan Leible, 27–50. Munich, Sellier. European Law Publ.
- Makovskii, Aleksandr L. 2013. "The Onset and Development of Universal International Unification of Private Law". *Problemy unifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava*, eds Aleksandr L. Makovskii, Irina O. Khlestova, 3–13. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve RF Publ. (In Russian)
- Malkin, Oleg Iu. 2005. "Autonomy of Will in External Economic Contracts". PhD Diss., Sovremennaia gumanitarnaia akademiia. (In Russian)
- Malkin, Oleg Iu. 2008. *Legal Regulation in the field of Choice of Law by the Parties to the Contract*. Moscow, Sovremennaia gumanitarnaia akademiia Publ. (In Russian)
- Mandel'shtam, Andrei N. 1900. *Hague Conferences on Codification of Private International Law. Vol. I: Codification of Private International Law*. St. Petersburg: A. Benke Publ. (In Russian)
- Mehren, Arthur Taylor von. 1987. *Convention on the Law applicable to Contracts for the International Sale of Goods (Explanatory Report)*. Hague, The Permanent Bureau of the Conference.
- Mirzoev, Amonullo M. "The Law Applicable to Contractual Relations in Private International Law". PhD Diss., Tadzhiiskii natsional'nyi universitet. (In Russian)
- Moens, Gabriël, Peter Gillies. 2000. *International Trade and Business: Law, Policy and Ethics*. Sydney, London, Cavendish Publ.
- Murphy, Maureen T. 1988. "United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods: Creating Uniformity in International Sales Law". *Fordham International Law Journal* 12 (4): 727–750.
- Nadelmann, Kurt H. 1965. "The Uniform Law on the International Sale of Goods: A Conflict of Laws Imbroglia". *Yale Law Journal* 74 (3): 449–464.
- Pokrovskaiia, Anna B. 2006. "Agreement on the Law Applicable to Private Legal Relations including Foreign Element". PhD Diss., Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve RF. (In Russian)
- Shestakova, Marina P. 2013. "Unification of Legal Regulation in the field of International Sale of Goods". *Problemy unifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava*, eds Aleksandr L. Makovskii, Irina O. Khlestova, 91–109. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve RF Publ. (In Russian)
- Silberman, Linda, Franco Ferrari. 2010. "Getting to the Law applicable to the Merits in International Arbitration and the Consequences of Getting it Wrong". *Working Paper* 10–40. New York University School of Law (Law & Economics Research Paper Series). Accessed September 1, 2019. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1674605.
- Simatova, Elena L. 2013. "Autonomy of Will in Russian Private International Law: History, Contemporaneity, Perspectives". *Nauka segodnia: teoriia, praktika, innovatsii*, ed. by Oksana P. Chigisheva, 161–182. Rostov-on-Don Nauchnoe sotrudnichestvo Publ. (In Russian)
- Simatova, Elena L. 2015. "Draft of the Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts as a Reflection of Trend in Enlargement of Party's Autonomy Principle Incidence in Private International Law". *Aktual'nye problemy razvitiia grazhdanskogo prava i protsess na sovremennom etape*, ed. by Aleksandr V. Gerasimov, 234–238. Krasnodar, Krasnodarskii universitet MVD Rossii Publ. (In Russian)
- Stone, Peter. 2010. *EU Private International Law*. Cheltenham, Northampton, Edward Elgar — Elgar European Law.
- Strigunova, Dina P. 2018. *Legal Regulation in the field of International Commercial Contracts. Vol. 2*. Moscow, Iustitsinform Publ. (In Russian)
- Trigubovich, Nataliia V. 1999. "Autonomy of Will in International Private Law". PhD Diss., Saratovskaia gosudarstvennaia akademiia prava. (In Russian)
- Vilkova, Nina G. 2001. "International Commercial Contracts: Theory and Practice of Legal Regulation Unification". Dr. Sci. Diss., Vserossiiskaia akademiia vneshnei trgovli. (In Russian)
- Vilkova, Nina G. 2002. *Contract Law in International Turnover*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)

- Winship, Peter. 1988. "Private International Law and the U. N. Sales Convention". *Cornell International Law Journal* 21 (3): 487–533.
- Zykin, Ivan S. 2016. "The Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts". *Aktual'nye pravovye aspekty sovremennoi praktiki mezhdunarodnogo kommercheskogo oborota*, ed. by Aleksandr S. Komarov, 73–93. Moscow, Statut Publ. (In Russian)

Received: June 25, 2019

Accepted: September 2, 2020

Author's information:

Tatiana V. Novikova — PhD in Law, Associate Professor; tnovikova@inbox.ru